

Цзычэ Уци оторвал подол своего халата, бережно завернул в него отсеченную руку, тщательно упаковал и закрепил сверток у себя за спиной.

Дунфан, наблюдая за этим, остолбенел — вид у него был такой, будто он встретился с призраком.

Взглянув на халат Цзычэ Уци, Дунфан окончательно убедился в абсурдности ситуации: подол был неровно обрезан, и по сравнению с привычным безупречным образом господина Воци это выглядело донельзя странно. В голове у Дунфана пульсировала лишь одна мысль: неужели Цзычэ Уци сошел с ума?

Закрепив ношу, Цзычэ Уци опустил взгляд на свой подол. Видимо, его тоже смутила небрежность, и, немного подумав, он оторвал еще один кусок ткани, чтобы выровнять край. Теперь срез выглядел аккуратно и симметрично. Похоже, страсть господина Воци к порядку была неизлечима.

В этот момент черный адепт, лежавший на земле и едва дышавший, пришел в себя. Он судорожно закашлялся, нахмурился и открыл глаза. Увидев перед собой Цзычэ Уци, стоявшего всего в шаге от него, он вздрогнул и хрипло выкрикнул:

— Кто ты такой?!

Цзычэ Уци смотрел на него сверху вниз, не проронив ни слова. Адепт поспешно сунул руку за пазуху и прошипел:

— Это ты забрал? Кха-кха... Верни немедленно, иначе...

Даже теряя сознание, он крепко прижимал к груди обрубок руки, словно та была для него величайшей ценностью. Сейчас он едва мог стоять, но в его глазах не было ни капли страха.

Дунфан не узнал этого адепта — в секте Тридцати Шести Небесных Врат было слишком много учеников, и встретить незнакомца было неудивительно. Однако что-то в поведении этого человека казалось ему подозрительным, хотя он никак не мог понять, что именно.

Цзычэ Уци прищурился:

— Ты не знаешь, кто я?

После этих слов сердце Дунфана пропустило удар — он наконец понял, что не так.

Адепт не успел ответить, как Цзычэ Уци добавил:

— Я тот, кто сделает так, что ты будешь молить о смерти, но не получишь ее.

Адепт опешил, не понимая смысла его слов. Дунфан, который только что почувствовал неладное, выдохнул с облегчением. Он чуть не забыл, что дворец Юньцзи и Тридцать Шесть Небесных Врат — заклятые враги. Цзычэ Уци, главный старейшина дворца, никогда не проявлял милосердия к своим противникам.

Опомнившись, адепт попытался вскочить:

— Меньше болтай! Верни главу секты!

Он бросился на Цзычэ Уци, но даже в лучшей форме он не был ровней великому мастеру, а уж тем более сейчас, будучи тяжело раненным. Не успел он даже коснуться края одежды Цзычэ Уци, как раздался глухой удар.

Цзычэ Уци с такой силой пнул его, что Дунфан снова лишился дара речи. Он ожидал, что господин Воци изящным движением руки отшвырнет нападавшего, но тот действовал на удивление грубо. Адепта отбросило на несколько чжанов, и он сдавленно охнул.

Вокруг простирались болота, кишевшие ловушками и магическими формациями. Цзычэ Уци медленно, шаг за шагом, направился к поверженному врагу, негромко произнеся:

— Он принадлежит мне.

Дунфан вздрогнул. Лишь мгновение спустя он осознал, что это был ответ на выпад адепта. Но отчего-то эти слова показались ему пугающими. Зачем Цзычэ Уци понадобилось его тело? Неужели он собирается превратить его в марионетку?

Адепт, харкавший кровью, лежал на земле, не в силах подняться. Цзычэ Уци подошел к нему и спросил:

— Говори, кто расчленил Дунфана?

— Это... это люди из Ванцзянюань, — прохрипел адепт.

— Дворец Юньцзи, конечно, не в ладах с Ванцзянюань, но мы не позволим использовать себя в качестве марионеток, — холодно ответил Цзычэ Уци.

— Я не лгу... А-а-а!

Не успел он договорить, как раздался крик. Цзычэ Уци быстрым движением коснулся пояса,

выхватил стебель тысячелистника и, сделав молниеносный выпад, пронзил им ладонь адепта. Тот завыл от боли — раны, нанесенные магическим тысячелистником, причиняли страдания в сто крат сильнее обычных.

— Кто это был? — повторил Цзычэ Уци.

Адепт лишь корчился на земле, как выброшенная на берег рыба, не в силах вымолвить ни слова.

— Кто расчленил Дунфана? И кто приказал тебе ждать меня здесь?

Дунфан не мог не восхититься проницательностью Цзычэ Уци. Адепт выглядел как верный слуга, защищавший останки своего господина, но Дунфану это казалось подозрительным. Впервые, вопрос о том, кто такой Цзычэ Уци, был слишком наигранным — в Тридцати Шести Небесных Вратах не было никого, кто не знал бы господина Воци.

И была еще одна важная причина.

— Здесь покои главы Тридцати Шести Небесных Врат, куда вход ученикам строго запрещен, — спокойно сказал Цзычэ Уци. — От входа в долину каждые пять шагов расставлены десятки ловушек. Как ты добрался до самого центра, не задев ни одной из них?

Цзычэ Уци был прав. Это была территория Дунфана, и он лично расставил здесь сложнейшие формации. Даже тяжело раненный ученик не смог бы пройти этот путь, не активировав ни одной защиты.

— Ты ждал меня здесь, прижимая к себе руку Дунфана. Какова твоя цель?

Адепт вдруг расхохотался:

— Хорошо, хорошо! Господин Воци, ты и вправду хитер, тебя не проведешь, лишь ты сам водишь других за нос! Ха-ха! Да, я ждал тебя по приказу хозяина. Он знал о твоих грязных помыслах, жаль только, что ты оказался слишком осторожен и не попался в ловушку. Но ничего, рано или поздно ты попадешься, еще увидишь!

Похоже, кто-то знал, что Цзычэ Уци придет, и подготовил западню, используя подставного ученика.

— Не хочу слушать твой бред, — отрезал Цзычэ Уци. — Где остальные части тела Дунфана?

— Его разорвали на куски, ты никогда его не увидишь! Ха-ха-ха!

Лицо Цзычэ Уци потемнело. Он слегка сжал пальцы правой руки, и от тысячелистника, торчавшего в ладони адепта, повалил фиолетовый дым. Раздалось шипение, словно от раскаленного железа, и адепт снова взвыл.

Его крики эхом разносились по долине, вселяя ужас. Но вскоре адепт захрипел, его глаза вылезли из орбит, а кожа на глазах начала стремительно сохнуть. В мгновение ока он превратился в иссохшую коричневую мумию.

Цзычэ Уци нахмурился и обернулся, но вокруг никого не было. Дунфан был в шоке: кто-то убил адепта прямо на глазах у господина Воци, не оставив ни следа. И что еще страшнее, это была техника, описанная в Лунцзя Шэньчжан. Неужели кто-то действительно овладел этими запретными искусстваами?

Цзычэ Уци подошел, вытащил тысячелистник, аккуратно протер его и вернул в колчан. Не взглянув больше на труп, он подхватил нефритовый ларец и двинулся вглубь долины. Иллюзии рассеялись, открывая вид на внутренний двор, где жил Дунфан.

Вскоре Цзычэ Уци вошел в дом. Дунфан был в недоумении: как он прошел через все ловушки, не задев ни одной? Неужели его защита была настолько бесполезной?

Цзычэ Уци толкнул дверь и вошел. В комнате было темно, свечи догорели, но в полумраке все еще можно было различить убранство. Повсюду висели ярко-красные шелка, создавая атмосферу праздника. Обстановка осталась прежней, только два трупа исчезли, а кубки для свадебного вина валялись на полу.

Цзычэ Уци огляделся, затем подошел к столу и поднял один из кубков. Дунфан, наблюдавший за этим из ларца, был в ярости. Неужели этот человек совсем лишился разума? В одном из кубков был яд, который Июй приготовил специально для него, и этот яд был смертельно опасен. Цзычэ Уци, ничего не зная, собрался выпить?

Дунфан видел, как Цзычэ Уци наполнил кубок из стоявшего на столе графина, поднес его к губам и неторопливо осушил.

— Цзычэ Уци, ты спятил? — закричал Дунфан, но, будучи книгой, он не мог издать ни звука.

Цзычэ Уци, казалось, ничего не слышал. Осушив кубок, он поставил его на стол, взял ларец и направился дальше. Дунфан затаил дыхание, ожидая, что вот-вот Цзычэ Уци рухнет замертво. Но тот шел уверенно.

Войдя во внутренние покои, Цзычэ Уци сел на красную свадебную кровать, поставил ларец рядом и, ко всеобщему изумлению, лег, прижав ларец к груди. Дунфан чувствовал его ровное дыхание и биение сердца.

Прошло много времени. Дунфан, наблюдая за безмятежным лицом Цзычэ Уци, которое, казалось, не изменилось с тех пор, как он был ребенком, вдруг почувствовал, как его собственное сердце забилося чаще. Неужели яд начал действовать?

Внезапно Цзычэ Уци открыл глаза. Их взгляды встретились.

— Немного... устал, — пробормотал он.

Он закрыл глаза, но тут же снова открыл их, глядя на балдахин. Там была вырезана картина Восьми Страданий Будды. Дунфан, ставший книгой, теперь глубоко понимал смысл этих слов.

Цзычэ Уци долго смотрел на резьбу, а затем взмахнул рукавом. Дунфан чуть не задохнулся от возмущения: Цзычэ Уци стер изображение, оставив поверхность гладкой.

Затем он снова закрыл глаза и повернулся на бок, обнимая ларец. Дунфан, оказавшись в тесноте, решил убрать иллюзию. В ларце стало темно и тихо, но вскоре он почувствовал, как внутри просачивается тепло. Это было так приятно, что все его тело, казалось, наполнилось силой.

Говорят, что если долго держать рядом с истинным мастером даже обычный камень, он обретет дух. Дунфан начал поглощать эту энергию и, к своему удивлению, почувствовал, как его собственные силы начали расти.

Он погрузился в медитацию, и когда открыл глаза, то чуть не подпрыгнул от испуга. Лицо Цзычэ Уци было совсем рядом — он открыл ларец и с интересом рассматривал Лунцзя Шэньчжан.

Дунфан замер, боясь выдать себя. Но Цзычэ Уци выглядел спокойным. Он сел, подержал ларец в руках, вздохнул, закрыл его и произнес:

— Пора.

Они вышли из комнаты. Дунфан, охваченный любопытством, снова активировал иллюзию и обомлел. Цзычэ Уци взмахнул рукой, и все красные шелка в доме мгновенно стали белыми, как в траурном зале.

— Несчастливое место, — пробормотал он.

Цзычэ Уци вышел, даже не взглянув на валявшийся на полу кубок, который он задел ногой. На улице уже близился полдень. Оглянувшись на дом, он сказал:

— Через несколько дней я вернусь.

Дунфан был в шоке: этот человек решил превратить его секту в проходной двор?

Тридцать Шесть Небесных Врат стояли пустыми. Все сокровища были разграблены, а останки Дунфана исчезли. Он поклялся, что, когда вернется к жизни, обязательно сведет счеты с каждым.

Цзычэ Уци обыскал всю долину, но ничего не нашел. Понимая, что может опоздать на похороны, он поспешил прочь и уже на следующее утро нагнал учеников дворца Юньцзи.

<http://bllate.org/book/18938/1855720>